

*Людмила С. Циманович
Филологически факултет Белорусског
государственного университета**

ПРАВОСЛАВИЕ КАК СВОБОДА В ПОНИМАНИИ П.П. НЕГОША И Н.В. ГОГОЛЯ («ГОРНЫЙ ВЕНЕЦ» И «ТАРАС БУЛЬБА»)

Аннотация

В данной работе приводится сопоставительный анализ произведений двух классиков славянских литератур: «Горный венец» П. П. Негоша и «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя. Разные в жанровом отношении, данные сочинения объединяет общая идейная направленность – неразрывная связь таких понятий, как свобода и православная вера. Ссылки на историю создания произведений также доказывают аналогичные интересы двух писателей: Негош и Гоголь рассматривали фольклор как источник образности и сюжетов для своих произведений. Историческая основа, эпопейный охват событий, обращение к богатому народному литературному наследию позволили двум представителям сербской и русской литератур создать произведения не теряющие своей актуальности до сих пор, причем каждый из них сделал это на материале прошлого своего народа.

Ранее не сопоставляемые произведения анализируются с точки зрения общности идей, мотивов и исторических обстоятельств, побудивших Негоша на написание драматической поэмы «Горный венец», а Гоголя – повести «Тарас Бульба».

Ключевые слова: Петр II Петрович Негош, Н.В. Гоголь, «Горный венец», «Тарас Бульба», православие, «истребление потурченцев», сербская литература, русская литература, фольклор, казачество.

* Сонскатељ кафедре славянских литератур

Романтизм возродил интерес писателей к осмыслению истории народов и их национально-освободительной борьбы. При этом представители романтизма видели прошлое как идеальный мир, показывая героизм не только как проявление отваги и доблести, но и как итог высокой нравственности. Черпая темы и сюжеты из фольклора, писатели-романтики создали значительный ряд произведений, воспевающих народную борьбу за независимость, которая всегда является ключевым моментом в формировании сознания народа.

Интерес к славному прошлому в среде славян стал толчком для утверждения литератур как национальных: «В эпоху романтизма возникло и литературное понятие, т.е. литературно-исторический термин «всемирная литература», охватывавший узкое французское, английское и немецкое языковое пространство. Но разрушительное слово «свобода», которое всегда охватывает личную и национальную свободу, свободу мысли и верований, свободу совести и любви, свободу творить и тем самым выбирать язык искусства, форму, стиль, свободу личной и коллективной идентификации, в тот первоначально узкий и неоднородный литературный круг в первой половине XIX века включило русских, датчан, поляков, итальянцев, чехов, греков и южных славян, которые благодаря своим пробудившимся простым жизненным силам снова ступили на мировую арену».¹

Национальное своеобразие – один из главных предметов рефлексий славянских писателей и литературоведов начала XIX века. Особенно остро вопрос о «самости» встал для народов, лишенных государственности. Следует отметить, что в тот период среди славян только русские имели свое государство (в состав которого, кстати, входили и поляки). И если в среде южных и западных славян, где на протяжении столетий шли процессы онемечивания и исламизации – со стороны Австро-Венгрии и Турции соответственно – отражение освободительной борьбы в литературе стало призывом к возрождению национальных ценностей, то в русской словесности начала подниматься тема объединения славян под предводительством России – мощного славянского государства. И хотя реализация данной политической миссии сознанием подчиненных народов воспринималась противоречиво, сербы, черногорцы, чехи, словаки и хорваты

1) V. Osolnik, „Romantičarski nacionalni epovi i nacionalni identitet Južnih Slovena“ u: *Zbornik referata za štirinajsti mednarodni slavistični kongres, Ohrid, 10–17 septembar 2008.* (ur. A. Derganc i drugi), Slavistično društvo Srbije, Ljubljana, 2008, str. 180.

позитивно относились к стремлению российского императора поддерживать их права и свободы.

Литературы южных и западных славян в эпоху европейского романтизма развивались стремительно: «О силе и интенсивности этого процесса говорит тот факт, что в течение всего нескольких десятилетий почти утраченная письменность не только возродилась, но и дала значительные художественные ценности. Назовем лишь имена Я. Коллара, Ф. Челаковского, К. Г. Махи, Й. К. Тыла, К. Гавличка-Боровского, К. Я. Эрбена, Б. Немцовой, Я. Краля, А. Сладковича, Я. Халупки, Я. Ботто – в Чехии и Словакии, П. Негоша, Б. Радичевича, Й. Йовановича-Змая, Ф. Прешерна, С. Вразы, И. Мажуранича – в литературах народов нынешней Югославии, П. Славейкова, Л. Каравелова, В. Друмова, Х. Ботева – в Болгарии. С относительно небольшой долей преувеличения можно сказать, что за короткий срок в стяженном и сокращенном виде эти литературы как бы повторили весь путь развития мировой литературы от первичных художественных форм и фольклора к стадии развитой профессиональной литературы».²

Славянский романтизм характеризуется синкретизмом жанров и форм – как взятых из западноевропейской словесности, так и аутентичных, фольклорных. «Художественный мир произведений славянских романтиков подвергается фольклоризации. Отсутствие системных исторических знаний о древней эпохе, о собственной мифологии компенсировалось всевозможными мифопоэтическими реконструкциями в русле устного народного творчества».³

Данная тенденция, как и интерес к героической борьбе своего народа, проявилась в творчестве двух великих представителей русской и сербской литератур: П. П. Негоша в драматической поэме «Горный венец» и Н. В. Гоголя в повести «Тарас Бульба». Примечательно, что данные произведения, знаковые не только для своего времени, но и актуальные до сих пор, ранее не сопоставлялись, хотя в идейном плане они весьма близки. Попробуем разобраться, на основании чего можно прийти к такому выводу.

- 2) С. В. Никольский „Славянские литературы эпохи национального возрождения“ у зборнику: *Славянские литературы в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. Материалы международной конференции ЮНЕСКО* (ред. Д. Ф. Марков и др.), Академия наук СССР, Институт славяноведения и балканистики, Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур, Москва, 1978, стр. 199–200.
- 3) А. Т. Милановский, „Славянские литературы эпохи романтизма в интерпретации Д. И. Чижевского“ у зборнику: *Слов'янський збірник* (ред. О. А. Войцев), Міністерство освіти і науки України, Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, Філологічний факультет, Чернівці, 2013, стр. 308.

1. ФОЛЬКЛОРНАЯ ОСНОВА ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Как известно, традиции сложения эпических песен в Черногории во времена Негоша поддерживались и культивировались. Здесь народные сказители даже выработали определенный канон, так как рассматривали эпические песни не только в качестве хранилища народной памяти, но и как средство информирования: «Эпические песни черногорские, повествующие о событиях новой нашей истории, отличаются от остальной эпической поэзии, среди прочего, по ритму и по соблюдению исторической правдивости событий, о которых в них поется. Соблюдение точности событий новой истории было обусловлено также положением и ролью эпической песни в Черногории. Песня была средством общественной коммуникации, она давала оценки людям и событиям, определяла ценности. Она должна была удовлетворять критерию правдивости, так как это и было условием ее существования. Только будучи правдивой, она могла быть принята и передаваема».⁴

Наследуя эпические песни, П. Негош делает свои первые шаги на литературном поприще. Однако, по мнению Й. Деретича, его дебютные произведения являлись скорее подражаниями эпосу, так как их отличали «содержание ... и идейность, которые свойственны художественной литературе».⁵ И подобные произведения (*песме «на народну»*) получили свое распространение в Черногории во многом благодаря усилиям владыки Петра I Негоша (Цетиньского), старавшегося «укрепить официальную черногорскую традицию, чтобы сделать ее опорой своей политики».⁶ В качестве тем для своих первых произведений Негош выбирает заинтересовавшие его исторические события, о которых он узнавал из книг, хранившихся в библиотеке Цетиньского монастыря (первые известные произведения поэта «Чеклические сваты» и «Песнь о царице Екатерине и турецком султани»). Облекая данные события в литературную форму, Негош со временем вырабатывает свой собственный поэтический стиль, однако при этом остается верен традициям сложения народной поэзии. Десятисложники Негоша, будто бы высеченные из скал Черногории, достигли совершенства в драматической поэме «Горный венец»: «Стих Негоша,

4) B. Banjević, „Viđenje Njegoša“, *Matica: časopis za društvena pitanja, nauku i kulturu*, br. 55/2013, str. 9–10.

5) Јован Деретић, *Композиција Горског вијенца*, Библиотека Октоих, Подгорица, 1996, стр. 3–34.

6) *Ibid*, стр. 33.

посредством которого он достиг своей поэтической вершины – это десятисложник эпической и лирической народной литературы. Это естественный стих черногорского языка. Этот десятисложник часто отождествляется с эпическим десятисложником, который по своей природе – стих повествования, а в слабых эпических песнях, которых много, он достаточно пустой и поверхностный. Десяtisложник Негоша – совершенно другой стих, несущий в себе всю лирическую шкалу, ее утонченность и прозрачность, связывая ее с глубиной и сложностью драматической структуры языка». ⁷

С эпическими песнями «Горный венец» объединяет не только стихотворный размер: многочисленные ссылки на героев косовского цикла повсеместно присутствуют в произведении: Милош Обилич, предатель Вук Бранкович, царь Лазарь, братья Юговичи и др. Кроме того, в канву своего произведения Негош гармонично вплетает народные лирические песни: плачь Сестры Батрича, «в котором Негош дал синтез всех главных характеристик черногорского плача», ⁸ сватовскую мусульманскую песню в исполнении Мустай-кадия и отрывки из гуслярских песен, которые поют Вук Лешевоступац, игумен Стефан и «коло».

Широкий охват народной жизни, традиций и верований черногорцев удался Негошу во многом благодаря внесению в повествование описания черногорских обычаев: здесь представлено сватовство и женитьба (в сцене между сватами черногорцами и порученцами), упоминается обычай остригать волосы после утраты родственника женщинам (снаха Милонича-бана), а также оплакивать усопших (сестра Батрича), представлены аллюзии на сербские религиозные традиции (сжигание бадняков, празднование Крестной Славы, собрание скупщины по праздникам), а также представления о мифологических существах (ведьма, вила). Как верно отметил Йован Деретич, «Негош сплел целую черногорскую историю, воспел самые важные события прошлого со времен Неманичей до начала XVIII века, нарисовал повседневную жизнь черногорцев, их праздники, собрания, представил народные обычаи, верования и понимания, показал соседние народы, турок и венецианцев. В общем, в «Горном венце», в составляющих его 2 819 стихах (десяtisложниках, за исключением одной включенной песни, написанной девятисложником, и одного плача – двенадцатисложником) нашли место три мира, три цивилизации,

7) B. Banjević, *Opus citatum*, str. 21.

8) N. Kilibarda, *Studije i ogledi o crnogorskoj usmenoj književnosti*, Institut za crnogorski jezik i književnost, Podgorica, 2012, str. 275.

которые между собой соприкасались и переплетались на нашей земле».⁹

Что касается повести Гоголя «Тарас Бульба», то здесь также уместно говорить о многочисленных фольклорных аллюзиях и мотивах. Во-первых, многие исследователи отмечали лиризм и музыкальность прозы Гоголя, что роднит ее с украинской думой: «актуальность музыкального кода в творчестве Гоголя видится в том, что понятие звука как одна из центральных смысловых категорий обнаруживает свою многомерность. С формальной точки зрения проза Гоголя представляет собой особый вид текста, в котором смыкаются принципы, характерные для прозаического и поэтического произведения».¹⁰ Кроме этого, сходство повести с народным эпосом проявляется «в поэтике и стиле «Тараса Бульбы»: былинном размахе и масштабности, гиперболизме художественных обращений; торжественном, лирико-патриотическом тоне повествования; в формах ритмизированного сказа; в «растворении» автора в образе народного певца, бандуриста; в широчайшем использовании фольклорных приемов (повторов, параллелизма, символики и метафорических образов, например, образ битвы-пира или троекратное обращение Тараса к куренным атаманам во время битвы под Дубно и их троекратный же ответ)».¹¹

Отдельно следует упомянуть общий интерес двух литераторов к собиранию фольклора: как известно, Негош не только слагал произведения в жанре народных эпических песен, но и выступал как собиратель фольклора и составитель антологии эпических песен (сборник «Зеркало сербское»). Гоголь также, «начиная с гимназических лет, собирал украинские народные песни, вписывая их в особую «Книгу всякой всячины, или Подручную энциклопедию».¹² При этом русский классик был глубоко убежден, что «песни для «Малороссии – всё: и поэзия, и история, и отцовская могила. Кто не проникнул в них глубоко, тот

9) J. Деретић, *Кратка историја српске књижевности*, Пројекат Растко, доступно на: http://www.rastko.org.rs/knjizevnost/jderetic_knjiz/jderetic_knjiz_06.html (приступљено 10. 6. 2016.)

10) А. Г. Савинова, «Музыкальный ход в художественной прозе Н. В. Гоголя: образы колокола и колокольчика», *Вестник Томского государственного университета*, бр. 333/2010, стр. 17.

11) В. Н. Аношкина, Л. Д. Громова, *История русской литературы XIX века: 1800–1830-ые годы: учебник для студентов высших учебных заведений*, Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, Москва, 2001, стр. 197.

12) В. В. Мочалова, «Славянская тема у Гоголя» у зборнику: *Н. В. Гоголь и славянские литературы* (ред. Л. Н. Будагов), РАН, Институт славяноведения, Москва, 2012, стр. 52.

ничего не узнает о протекшем быте этой цветущей части России».¹³ Одной из задач своего творчества Гоголь считал привлечение интереса к украинскому фольклору, который, будучи оставленным без внимания, стоял под угрозой полного забвения: «Возрождению украинского фольклорного и исторического наследия Гоголь стремился способствовать не только своими усилиями собирателя и историческими трудами, но и художественными произведениями, написанными на материале из украинской истории. Такова трагедия «Выбритый ус», незаконченная и сожженная, которую он начал писать в 1839 г., работая над второй редакцией «Тараса Бульбы». Материал, собранный Гоголем для исторической драмы, был им использован в новой редакции «Тараса Бульбы».¹⁴

2. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИИ

Примечательно также, что и «Горный венец» Негоша, и «Тарас Бульба» Гоголя написаны отчасти на историческом материале, взятом именно из народных песен, а не из летописей и хроник. Для своей повести Гоголь позаимствовал из фольклора обширные описания быта, считая при этом, что «историк не должен искать в них (песнях – Л.Ц.) показания дня и числа битвы или точного объяснения места, верной реляции: в этом отношении немногие песни помогут ему. Но когда он захочет узнать верный быт, стихии характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда захочет выпытать дух минувшего века, общий характер всего целого и порознь каждого частного, тогда он будет удовлетворен вполне; история народа разоблачится перед ним в ясном величии».¹⁵ Бытовых описаний в повести очень много: это и описания казацкого жилья, трапезы, одежды, оружия, застолий, жизненного уклада и обычаев. С историей, описываемой в повести, связан и сам Гоголь: по мнению некоторых исследователей, прототипами его героев были реальные запорожские казаки, генетическое родство с которыми писатель отыскал: «Гоголь, создавая образ атамана, штудировал историю Малороссии, «погружаясь» в летописи, легенды, козацкие песни. Понятно и стремление исследователей найти для этого мощного, целостного образа такой же «высокий», исторически достоверный прототип, в идеале — родственник

13) Н. В. Гоголь, *Полное собрание сочинений в 14 томах*, Москва, Ленинград, 1952, том 8: *О малороссийских песнях*, стр. 91.

14) В. В. Мочалова, *Opus citatum*, стр. 53–54.

15) Н. В. Гоголь, *Opus citatum*, стр. 91.

писателю...».¹⁶ Примечательно, что главный герой поэмы Негоша (владыка Даниил) также являлся его предком – первым из рода Петровичей-Негошей, возглавившим цетиньскую митрополию, вокруг которой складывалось черногорское государство. Будучи незаурядной личностью и весьма энергичным политиком он запечатлен во многих эпических песнях.

В историю российских внешнеполитических связей Даниил Степанов Петровић-Негош вошел как первый черногорский союзник России, ведь именно в период его правления были установлены русско-черногорские отношения, которые во многом определили не века вперед внешнюю политику Черногории. Но наиболее известен этот правитель в своей стране по событиям, получившим название «истребление потурченцев» (*истрага потурица*). «Следующее происшествие вывело Даниила на поприще действия, и с этого времени вся История Черногории, современная ему и будущая, тесно связана с его лицом».¹⁷ Данный эпизод считается ключевым в понимании истории сербского населения Балканского полуострова, потому что его исход во многом определил дальнейшее развитие событий.

Как верно заметил Савва Бабић, «об истреблении потурченцев мы не знаем ничего достоверно («исторически»), но *истрага* существует в художественном произведении».¹⁸ Действительно, об этом инциденте, как и о других важных событиях жизни черногорцев, была сложена эпическая песня, которую С. Милутинович в сборнике «Песни черногорские и герцеговинские» поместил под названием «Освобод». В песне «кратко, но ясно повествуется о том, как Черногория освободилась от турок своих всех во время и духом преславного серба и христианина Владыки Даниила Степанова Негоша».¹⁹ А причиной, толкнувшей правителя на такую расправу, стало вероломное пленение последнего со стороны Скадарского паши, когда черногорский правитель прибыл в Зету для освящения церкви: «Во время литургии турки схватили его и начали мучить. Так описывает народная песня обстоятельства, предшествовавшие плену владыки».²⁰ Милутинович в своей

16) В. Д. Денисов, „К вопросу об исторической основе повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» (1935)“, *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, бр. 137/2010, стр. 87.

17) А. Н. Попов, *Путешествие в Черногорию*, Типография Эдуарда Праца, Москва, 1847, стр. 78.

18) Сава Бабић, *Негош или Истрага и истражени: 76 записа о Његошу и нама*, Замајац, Тардис, Београд, 2013, стр. 36.

19) С. Милутиновић, *Певанія черногорска и херцеговачка, собрана Чубромъ Чайковиће-мъ*, Будим, 1833, стр. 62.

20) А. Н. Попов, *Opus citatum*, стр. 79.

«Истории Черногории от основания до нового времени» указывает на иные обстоятельства пленения Даниила: посланник султана Демир-паша приказал жителям Зеты «привести к нему владыку с Цетине... на важный разговор, так их и искусил. Зетские сербы-христиане пошли в Цетине, позвали владыку к визирю, но тот бы никогда не пошел, если бы его не уговорили, ручаясь головой и душой; так он и пошел. Демир, как только увидел идущего к нему владыку, принял его лживо-хорошо; начав с ним разговор, увидел, какой души и сердца это человек, а глазами уже смерив его, так как тот был самым высоким и статным человеком, при этом дерзновенным и неустрашимым. Этих качеств без всякого спора хватило для того, чтобы вызвать ярость и пакость варвара против себя, поэтому он сразу приказал бросить его в темницу».²¹ Однако оба источника совпадают в изложении продолжения событий: немало физических и моральных мучений пришлось вынести владыке, прежде чем черногорцам удалось его выкупить. Вернувшись в Цетине он призвал черногорцев:

*За слободу и за веру нашу,
Дас' бранимо од невере Турске;
Поколимо Црногором Турке,
Кои сусе међ нас уселили
На срамоту и на приевару,
Бранимосе не издаемосе,
И Бог ће ни помоћ акобогда.*²²

Так, предположительно в 1707 г. в канун рождества началось «истребление потурченцев», которое ценой множества жизней черногорских мусульман остановило на продолжительный период распространение ислама в Черногории. Эпическая песня заканчивается тем, что верные Даниилу черногорцы возвращаются к владыке после расправы над предателями идеалов христианства и сообщают ему о своей победе:

*Глас допаде Владику Данила,
Донесе га едно момче младо:
«Муштулук ти драгий господаре!
Погибоше Иногорский Турцы,
Ослободис' наша Црнагора!»*²³

21) С. Милутиновић, *История Церне-Горе одъ искона до новюга времена*, Београд, 1835, стр. 33.

22) С. Милутиновић, *Певанія черногорска и херцеговачка, собрана Чубромъ Чайковиће-мъ*, Будим, 1833, стр. 60–61.

23) *Ibid.*

Обрадованный и отомщенный владыка служит литургию, на которой присутствуют проявившие себя в сражениях герои, и одаривает их оружием.

Отдельно следует упомянуть, что в свою антологию «Зеркало сербское» Негош также включил данную песню, озаглавив ее «Сербский сочельник» (*Српско Бадњи вече*). Значительных изменений поэт в текст песни не вносил, поэтому останавливаться подробно мы на данном произведении сборника не будем.

3. ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ И СВОБОДЫ

Однако у Негоша в осмыслении событий «истребления потурченцев» изменения появились на этапе создания «Горного венца»: если в эпической песне завязкой является пленение владыки, а его унижения в плену становятся причиной расправы с черногорскими мусульманами, то в драматической поэме эпизод пленения Даниила упоминается вскользь, как событие отдалённое от основного действия на один год:

*Грдни дане, да те Бог убије,
који си ме дао на свијету!
Час проклињем лански по сто путах
у који ме Турци не смакоше,
да не варам народње надање.²⁴*

И делает это автор намеренно, чтобы показать, что в данном событии был не личный интерес его предка, а историческая необходимость целого народа, направленная на сохранение своей веры, служащей гарантом единства: «Идея славянского единства была неразрывно связана с идеей православия, которому славянофилы отводили в своем учении одно из важнейших мест. Православие призвано было не только стать оружием против мусульманства, католицизма и других религий, исповедуемых угнетателями славян, но и средством смирения самых славян».²⁵ Данная концепция была также положена в основу идеи черногорского государства, которое возглавляли православные митрополиты, исполняющие как религиозные, так и политические функции. Причем порой

24) Петар Петровић Његош, *Сабрана дела у 7 томова*, том 3: *Горски вијенац*, Београд, Цетиње, 1974, стр. 16.

25) Е. А. Дудзина, „Славянофилы и национальное возрождение славян“ у зборнику: *Славянские литературы в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. Материалы международной конференции ЮНЕСКО* (ред. Д. Ф. Марков и др.), Академия наук СССР, Институт славяноведения и балканистики, Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур, Москва, 1978, стр. 84–85.

исполнение последних требовало от правителей намного больше и времени и усилий, по сравнению с церковными обязанностями, доказательством тому может служить активное участие в военных действиях владыки Даниила, Василия Петровича-Негоша и Петра I Петровича-Негоша, а также многочисленные действия, предпринимаемые самим Негошем на дипломатическом поприще. П. А. Ровинский, автор фундаментального труда по истории и этнографии «Черногория в ее прошлом и настоящем», в конце XIX в. отмечал: «Священничество Черногорское до недавнего времени отличалось от остального народа только грамотностью и знанием обрядовой стороны богослужения, и поэтому единственное поучение состояло в постоянном проповедовании народу борьбы с противниками креста: «За имя Бога и крест часни!». Не только мирские священники, но и монахи участвовали в битвах и рубили неприятельские головы. Архипастырям новейшего времени трудно было бороться против того, чтобы священство, по крайней мере, без крайней необходимости не мешалось в военные дела; да и теперь еще редкий священник не предпочтет какой-нибудь военный подвиг исполнению своей прямой священнической обязанности».²⁶

Также необходимо отметить специфику религиозности живших в те времена черногорцев, сводившейся у основной массы населения лишь к бездумному исполнению обычаев:

*Но примајте вјеру прађедовску,
да бранимо образ отачаства.
Ћуд лисичија не треба курјаку!
Што јастребу оће наочали?
Но ломите мунар и џамију,
па бадњаке српске налагајте
и шарајте ускрсова јаја,
часне двоје постах да постите;
за остало како вам је драго!²⁷*

Негош данные примитивные взгляды высмеивал, так как осознавал существование единого Бога, «о котором говорят и сербы и турки, которым клянутся одни и другие, которого призывают в свидетели одни и другие, которому молятся, хоть и по-разному одни и другие... Бог как таковой никогда не был предметом религиозных споров между черногорцами и турками».²⁸ В то же

26) П. А. Ровинский, *Черногория в ее прошлом и настоящем : в 6 томах*, Типография Императорской Академии Наук, 1897, стр. 409.

27) Петар Петровић Његош, *Opus citatum*, стр. 46.

28) Николај Велимировић, *Религија Његошева*, Октоих, Подгорица, 2001, стр. 126.

время поэт понимал, что для осмысления данного факта простыми черногорцами в стране необходимо развивать образование.

У гоголевских казаков также представления о сущности христианства сводились к борьбе с неверными и неглубоким знанием православной традиции, подтверждением чему может служить следующий фрагмент из повести: «Пришедший являлся только к кошевому, который обыкновенно говорил: «Здравствуй! Что, во Христа веруешь?» «Верую!» – отвечал приходивший. «И в троицу святую веруешь?» «Верую!» «И в церковь ходишь?» «Хожу!» «А ну, перекрестись!» Пришедший крестился. «Ну, хорошо», отвечал кошевой: «ступай же, в который сам знаешь, курень.» Этим оканчивалась вся церемония. И вся Сечь молилась в одной церкви и готова была защищать ее до последней капли крови, хотя и слышать не хотела о посте и воздержании».²⁹

Таким образом, в сознании казаков православная вера была главным критерием принадлежности к свободолюбивому братству: «Всякой имел полную волю приставать к этому обществу, но он должен был непременно принять греческую религию».³⁰

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что концепции Негоша и Гоголя сходятся относительно значения православной веры в сознании двух народов, сражающихся за свое право существовать: «Нет силы сильнее веры. Непреоборима и грозна она, как нерукотворная скала среди бурного, вечно-изменчивого моря. Из самой середины морского дна возносит она к небесам непроломные свои стены, вся созданная из одного цельного, сплошного камня. Отвсюду видна она и глядит прямо в очи мимобегущим волнам. И горе кораблю, который нанесется на нее! В щепы летят бессильные его снасти, тонет и ломится в прах всё, что ни есть на них, и жалким криком погибающих оглашается пораженный воздух».³¹ Негошевским черногорцам так же, как казакам Гоголя, вера дает жизненные силы, делает их непобедимыми: «В этих голых скалах и привычке черногорцев воевать со всяким и переносить всевозможные трудности заключается их непобедимость; главным же образом они непобедимы оттого, «что все они войны от рождения и презируют смерть»».³²

29) Н. В. Гоголь, *Полное собрание сочинений в 14 томах*, Москва, 1937, том 2: *Тарас Бульба* стр. 39–172.

30) Н. В. Гоголь, *Полное собрание сочинений в 14 томах*, Москва, Ленинград, 1952, том 8: *Взгляд на составление Малороссии*, стр. 40–49.

31) Н. В. Гоголь, *Полное собрание сочинений в 14 томах*, Москва, 1937, том 2: *Тарас Бульба* стр. 166–167.

32) П. А. Ровинский, *Петр II (Раде) Петрович Негош, владыка черногорский 1830-1851*, Типография Е. Евдокимова, 1889, стр. 162.

4. КОЛЛЕКТИВНИЙ ОБРАЗ НАРОДА

Презрение к смерти главным образом обусловлено идеей о «небесной Сербии», сформировавшейся среди сербского населения на Балканах после поражения в Косовской битве (1389 г.). «Косовская традиция в черногорских горах веками хранилась как насущная потребность в хлебе и воде, а целиком судьба этих людей определена косовским заветом».³³ И это нашло особое воплощение в творчестве Негоша, достигнув апогея именно в драматической поэме «Горный венец». По этой причине Иво Андрич назвал Негоша «трагическим героем косовской мысли», потому что, по словам самого Негоша, взятым из «Горного венца», «надање се наше закопало / на Косово у једну гробницу».³⁴ А «в литературной деятельности Негоша фатальный знак косовской судьбы везде присутствует, и даже когда поэт о нем не говорит, так как им обусловлено все поэтическое творчество Негоша».³⁵

Носителями «косовской мысли» являются все герои поэта, участвующие в «истреблении потурченцев», однако наиболее завершена она в монологах «кола», которые представляют собой «пјесну изведену, из главе је цијела народа».³⁶ «Коло» в «Горном венце» поет об истории сербского народа, которая неразрывно связана с Косовской битвой:

*О проклета косовска вечеро,
куд та срећа да грдне главаре
све потрова и траг им утрије;
сам да Милош оста на сриједи
са његова оба побратима,
те би Србин данас Србом био!*³⁷

Согласно концепции романтизма, образ народа в литературных произведениях становится одним из центральных: «В связи с тем, что романтизм в сербской литературе формируется на фоне национально-освободительной борьбы, изображение движущей силы этой борьбы — национального коллектива — как

33) Б. В. Поповић, „Његошев косовски завет“ у зборнику: *Од косовског завета до Његошевог макрокозма: Петар II Петровић Његош (1813–2013)* (ур. Б. Јовановић), Филозофски факултет Универзитета у Приштини, Косовска Митровица, стр. 218.

34) Петар Петровић Његош, *Сабрана дела у 7 томова*, том 3: *Горски вијенац*, Београд, Цетиње, 1974, стр. 17.

35) Иво Андрић, *Његош као трагични јунак косовске мисли*, Октоих, Подгорица, 1996, стр. 20.

36) Петар Петровић Његош, *Сабрана дела у 7 томова*, том 3: *Горски вијенац*, Београд, Цетиње, 1974, стр. 24.

37) *Ibid*, стр. 21–22.

индивидуума стало основным в творчестве некоторых сербских романтиков. Сербский романтический герой осознает себя частью коллектива и гордится этим, он не ищет свободы для себя лично».³⁸

Изображение народной массы в образе «коло» стало новым приемом в сербской драматургии, введенным Негошем. «Коло» ассоциативно связывают с древнегреческой трагедией, в которой аналогичную роль выполнял хор. Однако оно имеет и свои исконные балканские истоки: «Когда речь заходит о народных танцах – коло и плясках–хороводах (*kolanje*) — корни данных слов мы находим в далеком прошлом. Иллирийско-дарданские племена калабры с территории сегодняшнего Санджака перешли в Италию и дали там название региону Калабрия. Многочисленные существительные и имена собственные, которые и сегодня используются, происходят от этого племени. Приведем примеры, которые непосредственно связаны с народным танцем: основное значение круг или колесо, а производный элемент «*ko(l)la*» или «*ka(l)la*» сохранился не только в славянских языках и албанском, но и у античных лексикографов».³⁹ Первоначально сербское «коло» обозначает танец, в котором песенное сопровождение вторично и может вообще отсутствовать. Однако Негош выводит песни *кола* на первый план, лишь невзначай упоминая о танцевальной составляющей: «Главари су се макли на страну, а народ коло води».⁴⁰

Примечательно, что в повести «Тарас Бульба» Гоголь также описывает казачий танец, который является «знаком нерасчлененности и слитности народного коллектива»⁴¹: «Нельзя было без движения всей души видеть, как вся толпа отдирала танец самый вольный, самый бешеный, какой только видел когда-либо мир, и который, по своим мощным изобретателям, носит название казачка. Только в одной музыке есть воля человеку. Он в оковах везде».⁴² Между тем, у Гоголя танцу не отводится такая роль, как у Негоша. Он лишь раз упоминается на страницах повести. Однако если анализировать творчество русского писателя в целом, то можно прийти к выводу, что он не раз использовал данную деталь, чтобы передать стихийную вовлеченность персонажей в общее действие.

38) И. В. Зенкевич, „Сербская романтическая поэма первой половины XIX века“, *Проблемы филологии: язык и литература*, 2/2010, стр. 28.

39) S. Jerkov, „Kratik istorijat muzičkog folkloru u Crnoj Gori“, *Matica: časopis za društvena pitanja, nauku i kulturu*, 65/2016, str. 191.

40) Петар Петровић Негош, *Opus citatum*, стр. 21.

41) Ю. В. Манн, *Поэтика Гоголя*, Художественная литература, Москва, 1988, стр. 14.

42) Н. В. Гоголь, *Полное собрание сочинений в 14 томах*, том 2: *Тарас Бульба*. Редакция 1835 г., Москва, Ленинград, 1937, стр. 277–454.

5. ВЫБОР ЖАНРА

Шире использовать танец-коло в «Горном венце» Негошу позволил также выбранный им жанр произведения: сам он определил его как «историческое событие» (*историческо событије*). По мнению Йована Деретича, данный жанр представляет собой «черногорскую песню-хронику, которая с репортерской точностью повествует о более или менее значимых реальных событиях».⁴³ Поскольку действие в «Горном венце» охватывает период в несколько месяцев (от Троицы до Нового года), то само произведение носит не совсем постановочный характер, а по многим своим характеристикам скорее походит на драматическую поэму, которая как жанр была весьма популярна в эпоху романтизма, нежели на драму в чистом виде.

Как факт следует отметить, что Гоголь также в конце 30-х гг. XIX в. работал над исторической трагедией из истории Запорожья, которая у него не вышла, а собранный для написания материал он использовал при написании второй редакции повести «Тарас Бульба». И хотя его драматическое произведение так и не увидело свет, уцелело лишь несколько фрагментов из него, по которым можно понять, что Гоголь стремился облечь свою трагедию «в поток речей неугасимой страсти».⁴⁴ Уместно сделать предположение, что данный замысел нашел в некотором роде свое воплощение в переработанной версии повести «Тарас Бульба»: авторскому переосмыслению подвергся пламенный монолог Тараса о казацком товариществе, произнесенный им перед решающим сражением при осаде Дубно. Данный монолог во второй редакции стал более лаконичным и образным, что придало ему еще больше драматизма.

А теперь вновь обратимся к негошевскому «Горному венцу», точнее, к емким монологам владыки Даниила, содержащим рефлексии об исторической судьбе Черногории, размышления о свободе и тирании, выводы о прошлом и будущем своего народа. В них содержится аналогичный призыв посланию Тараса Бульбы: «Только остались мы сырые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая так же, как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чем стоит наше товарищество! Нет уж святее товарищества!»⁴⁵

43) Јован Деретић, *Композиција Горског вијенца*, Октоих, Подгорица, 1996, стр. 91.

44) В. Г. Белинский, „О русской повести и повестях Гоголя (*Арабески и Миргород*)“ у: *Полное собрание сочинений в 13 томах*, Москва, 1953, стр. 199.

45) Н. В. Гоголь, *Полное собрание сочинений в 14 томах*, том 2: *Тарас Бульба. Редакция 1835 г.*, Москва, Ленинград, 1937, стр. 133.

У владыки Даниила:

*Вук на овцу своје право има
ка тирјанин на слаба човјека.
Ал' тирјанству стати ногом за врат,
довести га к познанију права,
то је људска дужност најсветија! ...
Младо жито, навијај класове,
пређе рока дошла ти је жњетва.
Дивне жртве видим на гомиле
пред олтаром цркве и племена;
чујем лелек ће горе пролама.
Треба служит чести и имену.
нека буде борба непрестана,
нека буде што бити не може -
нек ад прождре, покоси сатана!
На гробљу ће изнићи цвијеће
за далеко неко покољење.⁴⁶*

Следует отметить, что в Черногории «храбрость и речистость – достоинства, которые были наиболее ценны»,⁴⁷ этим и объясняется стройность и содержательная наполненность речей черногорского владыки и других персонажей «Горного венца». Чтобы наиболее ярко выразить стремление народа выражать мысли емко и лаконично, Негош облек свое произведение в форму драмы.

6. ЭПОПЕЙНЫЙ ОХВАТ СОБЫТИЙ

И хотя Негош и Гоголь для своих произведений выбрали жанры, относящиеся к разным литературным родам, «Горный венец» и «Тараса Бульбу» объединяет эпопейный охват изображаемых в них событий. Как верно отметил Г. В. Белинский, «Тарас Бульба», эта дивная эпопея, написанная кистью смелою и широкою, этот резкий очерк героической жизни младенчествуящего народа, эта огромная картина в тесных рамках, достойная Гомера».⁴⁸ С данным мнением трудно не согласится, принимая во внимание тот факт, что в повести автор отразил практически всю историю существования Запорожской Сечи. Сопоставляя отдельные факты, которые обозначенные в тексте (осада г. Дубно (середина XVI

46) Петар Петровић Негош, *Opus citatum*, стр. 36–37.

47) Јован Деретић, *Композиција Горског вијенца*, Окторих, Подгорица, стр. 66.

48) В. Г. Белинский, *Opus citatum*, стр. 298.

в., упоминания церковной унии (1596 г.), подавление казацкого восстания 1637—1638 гг. гетманом Николаем Потоцким, аллюзии на обучение Остапа и Андрия в Києва-Могилянської академії (переименована в Академію в 1689г. и др), можно прийти в выводу, что «Гоголевское произведение обладает особым пространственно-временным континуумом».⁴⁹

Негош в «Горном венце» описывает один непродолжительный фрагмент истории Черногории («истребление потурченцев»), однако многочисленные аллюзии на события Косовской битвы налаживают «непосредственную связь и континуум с основанием и с современниками средневекового события».⁵⁰ Кроме того, упоминание предательства сына Ивана Црноевича Станиши (который присягнул на верность турецкому султану), а также посвящение драматической поэмы «праху отца Сербии», т.е. Карагеоргию – предводителю Первого сербского восстания – расширяют временные рамки произведения, предавая ему эпопейный размах, и связывают все перечисленные события в одну цепь, отражающую ход народно-освободительной борьбы, в которой «истребление потурченцев» является лишь одним из звеньев.

Подводя итог, отметим, что драматическая поэма П.П. Негоша «Горный венец» и повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» сопоставимы не только в идейном плане: отражая героическую борьбу народа во имя идеалов православия, авторы сходятся во взглядах на эту борьбу как на вынужденную меру, целью которой была защита и сохранение веры – основы национальной самоидентификации.

Примечательно сходство и дальнейшей судьбы двух бессмертных сочинений русского и сербского классиков: после военных событий, связанных с распадом Югославии и войны в Косово, многие строки «Горного венца» в неверной интерпретации звучали как призыв к геноциду. Чтобы избежать неправильного толкования, необходимо «задать вопрос, могли ли черногорцы того времени, столкнувшись с жестокой опасностью быть уничтоженными как народ со стороны турок (и потурченцев), думать, ощущать и вести себя по-другому, нежели нам это преподнес гениальный Негош в своем шедевре, которое

49) В. Д. Денисов, *Opus citatum*, стр. 85.

50) Б. Р. Златковић, „Косовски завет у устаничкој традицији и Његошевом Горском вијенцу“, у зборнику: *Од косовског завета до Његошевог макрокосма: Петар II Петровић Његош (1813–2013)* (ур. Б. Јовановић), Филозофски факултет Универзитета у Приштини, Косовска Митровица, стр. 252.

представляет собой наизначительнейшее явление во всей нашей поэзии». ⁵¹

Аналогично: ввиду последних событий на востоке Украины, по мнению некоторых публицистов, стоит пересмотреть вопрос включения гоголевской повести «Тарас Бульба» в школьную программу, поскольку «знакомство с нею без соответствующего исторического комментирования способствует лишь обострению межнациональных отношений в России XXI столетия». ⁵² Однако не стоит забывать, что в повести, восславляя патриотизм и героизм, «Гоголь настойчиво подчеркивает бессмысленную жестокость своих героев и казачества в целом». ⁵³ А уроки истории должны стать призывом для будущих поколений не допускать и не повторять ошибки предков. Оба произведения не теряют своей актуальности по сей день и требуют серьезного осмысления.

«Горный венец» Негоша и «Тарас Бульба» Гоголя, вобравшие в себя богатое фольклорное наследие южных и восточных славян, обогатившие фонд сербской и русской словесности, по праву считаются жемчужинами славянской литературы в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрић, Иво, *Његош као трагични јунак косовске мисли*, Октоих, Подгорица, 1996.
- Аношкина, В. Н., Громова, Л. Д. *История русской литературы XIX века: 1800–1830-ые годы: учебник для студентов высших учебных заведений*, Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, Москва, 2001.
- Бабић, Сава, *Његош или Истрага и истражени: 76 записа о Његошу и нама*, Замајац, Тардис, Београд, 2013.
- Белинский, В. Г. „О русской повести и повестях Гоголя (*Арабески и Миргород*)“ у: *Полное собрание сочинений в 13 томах*, Москва, 1953, стр. 259–307.
- Велимировић, Николај, *Религија Његошева*, Октоих, Подгорица,

51) Р. М. Штурановић, *О Његошу као пјеснику: прилози тумачењу Његошевих стихова*, Горапрес, Београд, 2005, стр. 108.

52) А. Л. Хорошкевич, „К истории создания повести *Тарас Бульба* Н. В. Гоголя в контексте русско-славянских отношений 1830-х годов и мифа эпохи романтизма о славянском единстве“, у зборнику: *Гоголь и славянские литературы* (ред. Л. Н. Будагова), РАН, Институт славяноведения, Москва, 2002, стр. 107.

53) А. П. Коссовић, „Повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» в школе. Проблемы чтения и интерпретации“ *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки*, 2(7)/2009, стр. 60.

2001.

- Гоголь, Н. В. *Тарас Бульба, Полное собрание сочинений в 14 томах*, Москва, 1937, стр. 39–172.
- Гоголь, Н. В. *Полное собрание сочинений в 14 томах*, том 2: *Тарас Бульба. Редакция 1835 г.*, Москва, Ленинград, 1937, стр. 277–454.
- Гоголь, Н. В. *Полное собрание сочинений в 14 томах*, Москва, Ленинград, 1952, том 8: *О малороссийских песнях*, стр. 90–97.
- Денисов, В. Д. „К вопросу об исторической основе повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» (1935)“, *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, бр. 137/2010, стр. 84–94.
- Деретић, Јован, *Композиција Горског вијенца*, Библиотека Октоих, Подгорица, 1996.
- Деретић, Јован, *Кратка историја српске књижевности*, Пројекат Растко, доступно на: http://www.rastko.org.rs/knjizevnost/jderetic_knjiz/jderetic_knjiz_06.htmls (приступљено 10. 6. 2016.)
- Дудзина, Е. А. „Славянофилы и национальное возрождение славян“ у зборнику: *Славянские литературы в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. Материалы международной конференции ЮНЕСКО* (ред. Д. Ф. Марков и др.), Академия наук СССР, Институт славяноведения и балканистики, Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур, Москва, 1978, стр. 83–85.
- Зенкевич, И. В. „Сербская романтическая поэма первой половины XIX века“, *Проблемы филологии: язык и литература*, 2/2010, стр. 27–32.
- Златковић, Б. Р. „Косовски завет у устаничкој традицији и Његошевом Горском вијенцу“, у зборнику: *Од косовског завета до Његошевог макроkozма: Петар II Петровић Његош (1813–2013)* (ур. Б. Јовановић), Филозофски факултет Универзитета у Приштини, Косовска Митровица, стр. 251–266.
- Коссович, А. П. „Повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» в школе. Проблемы чтения и интерпретации“ *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки*, 2(7)/2009, стр. 59–63.
- Манн, Ю. В. *Поэтика Гоголя*, Художественная литература, Москва, 1988.
- Милановский, А. Т. „Славянские литературы эпохи романтизма в интерпретации Д. И. Чижевского“ у зборнику: *Слов’янский збірник*

- (ред. О. А. Войцев), Міністерство освіти и науки України, Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, Філологічний факультет, Чернівці, 2013, стр. 304–312.
- Милутиновић, С. *Певанња црногорска и херцеговачка, собрана Чубромъ Чайковићемъ*, Будим, 1833.
 - Милутиновић, С. *История Церне-Горе одъ искона до новюга времена*, Београд, 1835.
 - Мочалова, В. В. „Славянская тема у Гоголя“ у зборнику: *Н. В. Гоголь и славянские литературы* (ред. Л. Н. Будагов), РАН, Институт славяноведения, Москва, 2012, стр. 44–63.
 - Никольский, С. В. „Славянские литературы эпохи национального возрождения“ у зборнику: *Славянские литературы в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. Материалы международной конференции ЮНЕСКО* (ред. Д. Ф. Марков и др.), Академия наук СССР, Институт славяноведения и балканистики, Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур, Москва, 1978, стр. 198–207.
 - Његош, Петар Петровић, *Сабрана дела у 7 томова*, том 3: *Горски вијенац*, Београд, Цетиње, 1974.
 - Попов, А. Н. *Путешествие в Черногорию*, Типография Эдуарда Праца, Москва, 1847.
 - Поповић, Б. В. „Његошев косовски завет“ у зборнику: *Од косовског завета до Његошевог макрокозма: Петар II Петровић Његош (1813–2013)* (ур. Б. Јовановић), Филозофски факултет Универзитета у Приштини, Косовска Митровица, стр. 213–225.
 - Ровинский, П. А. *Черногория в ее прошлом и настоящем : в 6 томах*, Типография Императорской Академии Наук, 1897.
 - Ровинский, П. А. *Петр II (Раде) Петрович Негош, владыка черногорский 1830-1851*, Типография Е. Евдокимова, 1889.
 - Савинова, А. Г. „Музыкальный ход в художественной прозе Н. В. Гоголя: образы колокола и колокольчика“, *Вестник Томского государственного университета*, бр. 333/2010, стр. 17–20.
 - Хорошкевич, А. Л. „К истории создания повести Тарас Бульба Н. В. Гоголя в контексте русско-славянских отношений 1830-х годов и мифа эпохи романтизма о славянском единстве“, у зборнику: *Гоголь и славянские литературы* (ред. Л. Н. Будагова), РАН, Институт славяноведения, Москва, 2002, стр. 79–107.
 - Штурановић, Р. М. *О Његошу као пјеснику: прилози тумачењу Његошевих стихова*, Горапрес, Београд, 2005.

- Banjević, B. „Viđenje Njegoša“, *Matica: časopis za društvena pitanja, nauku i kulturu*, br. 55/2013, str. 7–24.
- Jerkov, S. „Kratak istorijat muzičkog folklora u Crnoj Gori“, *Matica: časopis za društvena pitanja, nauku i kulturu*, 65/2016, str. 179–198.
- Kilibarda, N. *Studije i ogledi o crnogorskoj usmenoj književnosti*, Institut za crnogorski jezik i književnost, Podgorica, 2012.
- Osolnik, V. „Romantičarski nacionalni epovi i nacionalni identitet Južnih Slovena“ U: *Zbornik referata za štirinajsti mednarodni slavistični kongres, Ohrid, 10–17 septembar 2008.* (ur. A. Derganc i drugi), Slavistično društvo Srbije, Ljubljana, 2008, str. 179–190.

Људмила С. Цимановић

ПРАВОСЛАВЉЕ КАО СЛОБОДА У СХВАТАЊУ П. П. ЊЕГОША И Н. В. ГОГОЉА (ГОРСКИ ВИЈЕНАЦ И ТАРАС БУЉБА)

Резиме

У раду се врши компаративна анализа дела двају класика словенских књижевности – Горског вијенца Петра Петровића Његоша и Тараса Буљбе Николаја Васиљевича Гогоља. Дата дела, различита у жанровском погледу, обједињује заједничка идејна усмереност, а то је нераскидива веза појмова православна вера и слобода. Историја стварања наведених двају дела такође доказује слична интересовања двају писаца. Његош и Гогољ су посматрали фолклор као извор сликовитости и сижеа за своја дела. Историјска основа, обухватање епских догађања и обраћање богатом народном књижевном наслеђу омогућили су представницима српске и руске књижевности да створе дела која не губе актуелност ни данас, при чему је свако од њих то учинио на материјалу прошлости свог народа.

Кључне речи: Петар II Петровић Његош, Николај Васиљевич Гогољ, Горски вијенац, Тарас Буљба, православље, „истрага Потурица“, српска књижевност, руска књижевност, фолклор, козаштво.

* Овај рад је примљен 31. 05. 2016. године, а прихваћен за штампу на састанку Редакције 03. 06. 2016. године.